

ЗАЩИТА ДЕТЕЙ ОТ ДЕСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

PROTECTING CHILDREN FROM DESTRUCTIVE CONTENT IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

A. Voronov

Summary. As the analysis of the array of sources showed, today there is no concept of «destructive content» in Russian legislation — there are only definitions of various kinds of prohibited information that cover most of the negative information environment causing the toxicity of the information space, which may arise due to the large number of sources of information that negatively affect and poison the consciousness of consumers of information, while the author draws attention to a significant aspect of this issue, namely, the deviant behavior of adolescents as a security threat.

The position of experts who attempted to classify the types of destructive content, which they divided it into 6 conditional categories, is analyzed, while it is noted that the main problem of destructive content is that there is already prohibited content, and there is a kind of «gray zone» that is not regulated by either criminal or administrative legislation. With this approach, according to the author, the creation of a register of destructive content on the Internet should become the basis for the work of legislators on the regulatory settlement of such categories of destructive information.

Keywords: destructive content, children, national security, deviant behavior of adolescents, security threats.

Воронов Алексей Михайлович

доктор юридических наук, профессор, главный научный
сотрудник НИЦ № 4 ФГКУ «ВНИИ МВД России»
alex_voronoff@mail.ru

Аннотация. Как показал анализ массива источников, на сегодняшний день в российском законодательстве понятия «деструктивный контент» нет — есть лишь определения разного рода запрещенной информации, которые охватывают большую часть негативной информационной среды вызывающей токсичность информационного пространства, которая может возникать из-за большого количества источников информации, при этом автор обращает внимание на существенный аспект данной проблематики, а именно вопросам девиантного поведения подростков как угрозы безопасности.

Анализируется позиция экспертов, предпринявших попытку классификации видов деструктивного контента, который они разделили на 6 условных категорий, при этом отмечается, что основная проблема деструктивного контента заключается в том, что есть контент уже запрещенный, а есть некая «серая зона», которая не регулирована ни уголовным или административным законодательством. При таком подходе, по мнению автора, создание реестра деструктивного контента в сети интернет должно стать основой для работы законодателей по нормативному урегулированию таких категорий деструктивной информации.

Ключевые слова: деструктивный контент, дети, национальная безопасность, девиантное поведение подростков, угрозы безопасности.

Залогом будущего России являются надёжные жизненные ориентиры у молодого населения. Об этом глава государства сказал в видеообращении к участникам церемонии вручения премии общества «Знание» [1]. При этом он отметил, что крайне важно, чтобы молодёжь училась на лучших образцах отечественной и мировой культуры, литературы, достижениях науки и образования, а также знала историю своей страны.

Вопросы патриотического воспитания подрастающего поколения и обеспечение безопасности детей остро стоят на повестке дня современной России. 17 мая 2023 г. Указом № 538 Президент России В. Путин утвердил Стратегию комплексной безопасности детей в России до 2030 года [2]. Документ предполагает оценку уровня безопасности детей и предусматривает меры, призванные нейтрализовать причины возникновения угроз их защищенности от внутренних и внешних факторов. Среди прочих к ним относятся: снижение уровня

их благополучия и семей, имеющих детей; высокий уровень вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность; распространение информации, представляющей для них опасность; изменение представлений о традиционных духовно-нравственных ценностях [3] и проч.

С учетом текущих исторических событий и глобальных угроз, с которыми столкнулась наша страна, воспитание подрастающего поколения приобретает стратегическое значение и становится гарантом национальной безопасности. Воспитывая и развивая детей, следует опираться на богатое культурное наследие нашей страны, нашу выдающуюся педагогическую школу, методики и технологии, которые используются [4] во всем мире.

21-й век — век информационных технологий. Цифровизация коснулась всех сторон жизнедеятельности общества и государства, при этом Российская Федера-

ция является одним из мировых лидеров по предоставлению государственных услуг различных министерств и ведомств гражданам по их требованию в единых multifunctional центрах [5].

По информации с официального сайта Мэра Москвы, в центрах госуслуг «Мои документы» в Москве ежедневно можно получить более 300 государственных услуг, 99% из которых предоставляются без привязки к месту регистрации. При таком подходе в проактивном режиме любой гражданин России, зарегистрированный на портале госуслуг, может получить интересующую информацию или документ. Гражданину не нужно обращаться в ответственные ведомства, собирать документы и подавать множество заявлений. Максимум, что может потребоваться — подтвердить согласие на оказание услуги, подписав уже готовое заявление. Однако это одна из «сторон медали» — позитивная и несомненно необходимая в деятельности как органов публичной власти, так и простого обывателя. Однако существует и обратная «сторона медали» — негативная, связанная именно с цифровизацией и общей доступностью информации, в том числе и из сети интернет, для подрастающего поколения, с их еще не вполне сложившемся представлением о добре и зле.

Одной из главных угроз национальной безопасности, по мнению экспертов, является современное состояние информационного интернет-пространства, в котором воспитывается подрастающее поколение. Неслучайно этой теме посвятил часть своего выступления на Валдайском форуме Президент России В. Путин, а Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, относит к национальным интересам Российской Федерации «сбережение народа России, развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей». При этом их защита осуществляется за счет координации и при тесном взаимодействии органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества [6].

В контексте заявленной проблематики на наш взгляд представляется целесообразным определить сущность и содержание понятия «деструктивный контент».

В современной России деструктивный контент становится универсальным средством создания угроз личной, общественной, государственной, информационной и проч. безопасности. Исследования информации в контексте административной и информационно-правовой защиты субъектов данных правоотношений от ее негативного воздействия посвятили свои работы В.С. Маурин [7], К.Д. Радченко [8], В.Н. Лопатин [9] которые сформулировали понятие «вредной информации».

В своей публикации «Деструктивный контент: понятие, административно-правовая характеристика, виды» К.Л. Шуликов на основе анализа позиций этих ученых формулирует обобщающий вывод о том, «что «вредная информация»:

- представляет собой один из видов информации, оказывающей негативное информационное воздействие на ее потребителей;
- обладает управленческими свойствами, поскольку распространяемые сведения оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное и общественное сознание;
- посягает на различные объекты (права и законные, жизненно важные интересы личности, общества, государства и т.д.) и обуславливает необходимость их правовой охраны;
- вызывает необходимость деятельности государственных органов по нейтрализации вредной информации в целях защиты возможных объектов посягательства» [10].

При таком подходе автор, предлагает следующую «классификацию контента:

- конструктивный контент;
- нейтральный контент;
- деструктивный контент, под которым следует понимать вредную информацию, размещенную в сети Интернет, обладающую свойствами токсичной информации негативно влияющей и отравляющей сознание ее потребителей и представляющую собой средство противодействия реализации общественно полезных целей и задач публичного управления, определенных в документах стратегического планирования и иных нормативных правовых актов» [10].

Как показал анализ массива нормативных, правовых, научных, справочных и иных источников на сегодняшний день в российском законодательстве понятия «деструктивный контент» нет — есть лишь определения разного рода запрещенной информации, которые охватывают большую часть негативной информационной среды вызывающей токсичность информационного пространства, которая может возникать из-за большого количества источников информации, негативно влияющих и отравляющих сознание потребителей информации. В такой ситуации человек чувствует неспособность ориентироваться в новостях, принимать правильные решения, это порождает дезориентацию и тревожность. Именно в такой среде и воспитывается подрастающее поколение.

На наш взгляд заслуживает внимание позиция экспертов научно-технического совета Роскомнадзора по мониторингу и ограничению доступа к информации, распространение которой запрещено или ограничено

в соответствии с законодательством Российской Федерации, которые предприняли попытку «классификации видов деструктивного контента и разделили его на 6 условных категорий:

- 1) Контент наносящий непосредственный вред жизни и здоровью ребенка. (Суицидальный контент, селфхарм, трейнсёрфинг (зацепинг);
- 2) Контент наносящий вред психическому здоровью ребенка, провоцирующий нервные расстройства. (Группы и каналы, содержащие шок-контент, депрессивный контент, эзотерика, окултизм);
- 3) Контент склоняющий ребенка к преступным действиям и насилию. (колумбайн, АУЕ, оффники, сатанисты);
- 4) Контент наносящий урон морально-этическому состоянию ребенка, разрушающий семейные ценности, настраивающий ребенка против родителей. (Сообщества «яжемать», феминистки, чайлдфри, аморальный юмор);
- 5) Развращающий контент, склоняющий ребенка к смене ориентации или пола, пропагандирующий иные виды извращений. (ЛГБТ, аниме, фурри, соцсеть аминок, группы гей-знакомств, чат-рулетка, фикбук, фанфики);
- 6) Манипулятивный контент, ставящий перед собой цель получение материальной выгоды с ребенка. (Ставки на спорт, букмекерские конторы, онлайн-казино, вейпы, снюсы, электронные сигареты, онлайн игры).

Количество детей России, которые вовлечены в эти сообщества, исчисляется миллионами, что позволяет квалифицировать нынешнюю ситуацию как катастрофу и угрозу национальной безопасности» [11].

Здесь уместно обратить внимание на существенный аспект данной проблематики, а именно вопросам девиантного поведения подростков как угрозы безопасности, под которым следует понимать противоречащие нормам, правилам и устоям общества поступки и действия конкретного ребенка.

В России выраженный рост «зацеперства» произошел летом 2010 года. В это время сформировалось организованное движение трейнсёрферов (зацеперов), приверженцы которого создали сайты в сети Интернет, для обмена деструктивным контентом о трейнсёрфинге (зацепинге) и его пропаганде. В дальнейшем организованными группами зацеперов была проведена пропаганда проезда на крыше и снаружи поездов большими группами. Произошедший в связи с этим рост связанных с зацепингом несчастных случаев и рост публикаций в печати и на телевидении привели к широкой известности данного явления и к тому, что в России оно приняло массовый характер. Только в Москве и Московской области, по оценкам экспертов, число зацеперов состав-

ляет более 20 тысяч человек, при этом статистика гибели зацеперов с каждым годом возрастает. Особую тревогу вызывает рост числа травмирования несовершеннолетних.

Зацепинг — экстремальное увлечение, при котором люди рискуя жизнью цепляются за движущиеся поезда, грузовики или другие транспортные средства, чтобы выполнить опасные трюки. Это явление, распространенное среди подростков и молодежи, стало серьезной социальной проблемой в России из-за высокого риска травм и смертей.

В 2024 году ситуация усугубилась, что потребовало срочных мер со стороны властей и общества. По официальным данным, с начала 2024 года на железной дороге Москвы и Подмосковья пострадали семь человек в возрасте от 12 до 17 лет, к сожалению, трое из них погибли.

По предварительным данным МВД и Минтранса России, за первые шесть месяцев 2024 года зафиксировано: — 683 пострадавших (в 2023 г. — 512 за аналогичный период). — 74 погибших (в 2023 г. — 53). — 40 % жертв — несовершеннолетние в возрасте 14–17 лет. — 70 % случаев произошли в Московской, Ленинградской, Свердловской областях и Краснодарском крае [12].

Эксперты связывают рост с активным распространением роликов в соцсетях (TikTok, YouTube), где зацеперы демонстрируют свои трюки, провоцируя подражание, при этом причины популярности зацепинга, на наш взгляд кроются, прежде всего:

В жажде адреналина:

— Стремление несовершеннолетних к экстремальным ощущениям в условиях городской рутины.

В соцсетях деструктивного контента:

— Популярность «деструктивного риск-контента» и желание получить лайки.

В дефиците безопасных развлечений для молодежи:

— Недостаток доступных площадок для экстремального спорта подрастающего поколения.

В низкой правовой грамотности подрастающего поколения:

— Многие не осознают последствий действий и проч.

Популярность зацепинга среди молодежи подпитывает деструктивный контент — видеоролики на различных интернет-площадках и в соцсетях. Зацепинг на-

прямую связан с опасностью для жизни и практически всегда приводит не просто к тяжелым последствиям, но, к сожалению, и к частым летальным исходам. Подростки стремятся проявить себя каким-то экстравагантным способом, зачастую очень опасным не только для здоровья, но и для жизни.

Прежде всего зацеперы обрекают себя на серьезную травму: никто из них не застрахован от падения во время движения поезда. Также есть риск поражения током при раскачивании токоприемников электроподвижного состава, при этом их уровень напряжения составляет не менее 21 киловольт при переменном токе и 2,7 киловольт при постоянном. Для оказания помощи пострадавшим экстремалам составы задерживаются, происходит сбой в движении других попутных электричек. Здесь также следует отметить, что от действий зацеперов поезда нередко получают повреждения, в итоге для продолжения движения необходимы вызов бригады и ремонт.

Вновь обращаясь в заявленной проблематике следует отметить, что экспресс анализ наименований деструктивного контента подрастающего поколения позволяет констатировать, практически все они чужды нам и имеют зарубежное происхождение и ни коим образом не соотносятся с русским языком. Как показывает практика, полноценное общение в молодежной среде возможно лишь при условии владения ее языком, трансформированным в настоящее время в англоязычный сленг, а говоря русским языком жаргон, представляющий собой ряд слов и выражений в используемых в разговорной речи молодежных групп или сообществ и не входящих в общий литературный язык. «Появление новых слов в языке, особенно в современной России, в век информационных технологий и Интернета, приводит к тому, что посредством воздействия СМИ сленг становится элементом массовой культуры, получает широкое распространение среди всего населения страны и особенно в молодежной среде и, тем самым, вытесняет устоявшуюся традиционную лексику» [13], связанную с духовно-нравственными ценностями характерными для русской культуры.

На наш взгляд данная проблема требует отдельного анализа и всестороннего рассмотрения, однако в рамках заявленной проблематики представляется целесообразным уделить ей некоторое внимание.

По мнению автора следует поддержать позицию Алексеева К.В. в том, что «русский язык как государственный является специфическим, универсальным объектом национальной безопасности, в связи с тем, что его можно отнести к универсальному объекту как личной, общественной, так и государственной безопасности как отдельно, так и триады вместе взятых. К сожалению, четкое обозначение объектов национальной безопасности

отсутствует в современном законодательстве о безопасности и документах стратегического планирования, что на наш взгляд обуславливает расхождение теории и законодательной практики в данном вопросе, а также размывает понятийный аппарат».

При таком подходе следует обратить внимание, что в 1992 году был принят закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», в котором четко были определены три основных базовых фундаментальных объекта национальной безопасности: личность, общество и государство. На сегодняшний день действующий Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [14] такого четкого определения, к большому сожалению, не содержит, при этом очень многие юристы на сегодняшний день говорят именно о том, что необходимо вернуть эту триаду: личность, общество и государство.

В развитие данных положений следует отметить, что эти три фундаментальных объекта безопасности, в свою очередь, распадаются на массу более конкретных объектов, при этом к таким специфическим объектам, по мнению ряда ученых, с полной уверенностью следует отнести наш государственный русский язык. *Во-первых* — русский язык имеет прямое отношение прежде всего к личности, потому что позволяет реализовывать конституционные права человека и гражданина, право на получение информации и целый ряд других. *Второй* аспект — общественный, прежде всего духовное объединение всего нашего многонационального народа происходит на базе как раз русского государственного языка. *Третий* аспект — государственная безопасность. Без сохранения суверенитета, территориальной целостности государства невозможна реализация предыдущих, основополагающих приоритетов современной России.

Здесь уместно отметить, что «к описанным выше конкретным объектам в контексте как материальных, так и духовных ценностей относится государственный русский язык. Главным, что характеризует духовную ценность русского языка, является способность человека с помощью языка мыслить, выражать свои чувства и эмоции, таким образом государственный язык отражает жизненно важные интересы общества.

Резюмируя изложенное уместно отметить, что русский язык как государственный является специфическим объектом национальной безопасности современной России. С одной стороны его можно отнести как к универсальному объекту личной, общественной и государственной безопасности, так и всей триады одновременно. С другой стороны государственный язык выступает в качестве гаранта иных объектов безопасности указанной триады, в частности суверенитет в сфере го-

сударственной безопасности, духовные ценности в сфер общественной безопасности, права и свободы личности в области личной безопасности» [15].

Здесь представляется целесообразным обратить внимание на проблемы, с которыми мы сталкиваемся ежедневно. Суть их заключается в засилье иностранных языков и прежде всего английского. Так, в связи со сменной общественно-экономической формации в нашей стране в конце 20 века, в начале 21 века и интенсивным развитием информационных технологий, в оборот входит множество иностранных заимствований. Эти слова успешно адаптируются в русском языке, и они начинают восприниматься как свои родные. На наш взгляд, вряд ли кому придет в голову переименовывать слова компьютер, интернет, принтер и проч. Мы воспринимаем их абсолютно спокойно и понимаем, что это уже в нашем языке абсолютно нормальные слова, однако такие слова как паркинг, каршеринг, коворкинг детей, зацепинг, факторинг, ресепшн, промоушен и множество других слов, которые имеют синонимы в русском языке, и не всегда однозначны в переводе, в связи с чем нуждаются в конкретизации. Как показывают многочисленные исследования более 85 % подрастающего поколения используют в своей речи англоязычные выражения, которые порой не уместны, либо искажают смысловое значение русского языка.

Представляется целесообразным привести некоторые краткие примеры. На сегодняшний день повсеместное распространение в мегаполисах Российской Федерации получила такая услуга как аренда автомобиля — каршеринг. Каршеринг (англ. Carsharing от car «легковой автомобиль» и sharing «совместное использование, передача другому» от англ. (to) share «поделиться» [16], при этом некоторые исследователи предлагают законодательно закрепить эту услугу, мотивируя тем, что здесь много проблем, в том числе и с точки зрения безопасности. Представляется множество законов с непонятным простому обывателю смысловым значением может привести к абсурду и деградации государственного русского языка.

Еще одним аспектом данной проблемы, представляющей угрозу русскому языку как объекту национальной безопасности является смешение латиницы и кириллицы, которое на сегодняшний день приобрело достаточно большие масштабы.

Еще одним аспектом является кибербезопасность. Следует отметить, что практически все программное обеспечение России основано на английском языке. Как утверждают специалисты — даже наши программисты порой не совсем четко представляют, что в этих программах заложено вообще. Представляется язык программирования должен быть на родном языке, должны

применяться именно кириллические написания, ставшие основой русского языка.

Автор не претендует на полноту рассмотрения данной проблематики, так как она многогранна и требует отдельного анализа и всестороннего изучения. Нами предпринята попытка обратить внимание лишь на данный вызов безопасности, который на наш взгляд, в перспективе может трансформироваться в угрозу национальной безопасности.

В развитие заявленной проблематики, представляет несомненный научный интерес исследование экспертов Общественной палаты Российской Федерации проведенное в контексте поручения президента РФ по созданию реестра деструктивного контента в сети интернет.

В рамках круглого стола, проходившего 06.11. 2022 г. в Общественной палате РФ были доложены результаты категорирования деструктивного контента в сети интернет. Эксперты проанализировали более 1,5 млн сообщений в социальных сетях, чья деятельность запрещена на территории России. В результате было выявлено большее количество категорий деструктивной информации по сравнению с приведенными ранее, которые стали основой реестра.

Категоризатор содержит в себе четыре интегрированных блока — *первый* блок посвящен запрещенному к распространению контенту; *второй* включает в себя ограничения на распространение контента; *третий* относится к контенту, вовлекающему людей в противоправную деятельность; *четвертый* блок посвящен контенту, нарушающему нормы морали и нравственности.

К отличительным особенностям такой информации относится ее доступность и способность нанести потенциальный вред конкретному человеку, негативно повлиять на его нравственное, духовное, психическое развитие и состояние подрастающего поколения.

Резюмируя вышеизложенное следует отметить, что по мнению экспертов, а также исследователей данной проблематики основная проблема деструктивного контента заключается в том, что есть уже запрещенный контент, а есть некая «серая зона», которая не урегулирована уголовным или административным правом. При таком подходе создание реестра деструктивного контента в сети интернет должно стать основой для работы законодателей по нормативному урегулированию таких категорий деструктивной информации.

Представляется всем заинтересованным министерствам и ведомствам, участвующим в образовательном процессе подрастающего поколения, правоохранительным органам, так и субъектам наделенным правом

законодательной инициативы изучить предлагаемый перечень видов деструктивного контента и разработать законопроекты об ужесточении ответственности за пропаганду отдельных, наиболее опасных видов контента и вовлечение несовершеннолетних в деструктивные субкультуры.

Следует установить жесткие возрастные ограничения — не ранее 18-летнего возраста на пользование мессенджерами и социальными сетями. Также пред-

лагается дополнить ст.5 Федерального закона 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [17] новой категорией — несовершеннолетние, попавшие в игровую зависимость или участники деструктивных сообществ и субкультур в информационных сетях. Представляется данный подход позволит мобилизовать усилия всех заинтересованных субъектов в деле патриотического воспитания подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин: надёжные жизненные ориентиры у молодёжи — залог будущего России URL: https://russian.rt.com/russia/news/1278093-putin-molodyozh-orientiry?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
2. Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305170008?ysclid=m8ahvdc7y6919913268>
3. URL: <https://gazetacrimea.ru/news/utverzhdno-prezidentom-cho-nuzhno-znat-o-strategii-kompleksnoy-bezopasnosti-detey-v-rossii-/>.
4. Кравцов С.С. Воспитание подрастающего поколения становится гарантом национальной безопасности URL: [https://apkpro.ru/novosti/sergey-kravtsov-vospitanie-podrastayushchego-pokoleniya-stanovitsya-garantom-natsionalnoy-bezopasnos/...](https://apkpro.ru/novosti/sergey-kravtsov-vospitanie-podrastayushchego-pokoleniya-stanovitsya-garantom-natsionalnoy-bezopasnos/)
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2011 г. № 797 (в ред. 22.02.2024) «О взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов» утвержден «Перечень государственных услуг, предоставление которых организуется по принципу «одного окна» в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг федеральными органами исполнительной власти и органами государственных внебюджетных фондов»
6. Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 URL: <http://redstar.ru/strategiya-natsionalnoj-bezopasnosti-rossijskoj-federatsii/>.
7. Маурин В.С. Правовой анализ вредной информации в условиях информационного общества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, 2004. 24 с.
8. Рыдченко К.Д. Административно-правовое обеспечение информационно-психологической безопасности органами внутренних дел Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2011. 308 с.
9. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право: Учебник / Под ред. Б.Н. Топорнина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 527 с.
10. Шуликов К.Л. Деструктивный контент: понятие, административно-правовая характеристика, виды // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2023. № 2. С. 176–182 URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=53968884>.
11. Защита детей от деструктивного контента в свете стратегии национальной безопасности РФ URL: <https://katyusha.org/obshhee-delo/173347-zashhita-detey-ot-destruktivnogo-kontenta-v-svete-strategii-naczionalnoj-bezopasnosti-rf.html>.
12. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/news/item/53521532/>
13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46288816>
14. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»// СЗ РФ 2011 г. № 1 ст. 2
15. Алексеев К.В. Русский язык как объект национальной безопасности Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. 2021. № 4(40) С. 295–308 http://trans-safety.ru/tpb/articles/2021/pdf/40/28_alekseev.pdf.
16. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Каршеринг>
17. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»// СЗ РФ. 1999 г. № 26 ст. 3177

© Воронов Алексей Михайлович (alex_voronoff@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»